

19. Лютикова Е.В. Аксиоматика повседневности. Внеэрациональные основания познания и коммуникации: Монография. – М.: ИКАР, 2006. – 264 с.
20. Минюшев Ф.И. Социология культуры: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2004. – 272 с.
21. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
22. Павлиёнис Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
23. Стеценко А.П. Рождение сознания: становление значений на ранних этапах жизни. – М.: ЧеРо, 2005. – 256 с.
24. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
25. Урсул Д.Т., Сабозук А.П. Философский анализ механизма перцептивного отражения // Проблемы развития познания / Под ред. А.И. Бабия. – Кишинев: Штиинца, 1981. – С. 3–27.
26. Хофман И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.
27. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – С. 10–34.
28. Языковое сознание: формирование и функционирование. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – 2-е изд. – М.: РАН ИЯ. 2000. – 256 с.
29. Jodelet, D. Représentation sociale: phénomènes, concept et théorie. // Psychologie sociale / sous la direction de S. Moscovici. – P.: PUF, 1984. – P. 357–378.

Е.М. Масленникова

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКИ

На рубеже XX–XXI веков многие ученые пришли к выводу о «необходимости решительной переориентации ... с сопоставительного анализа языковых систем на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, языкового сознания, языковой / лингвокультурной компетенции» [4: 75]. Таким образом, постепенно наметился переход от чисто лингвистических к лингво-когнитивным исследованиям коммуникации.

Переосмысление положений теории лингвистической относительности Сепира–Уорфа привело к смене научной парадигмы в сторону «этно». Активное обращение к компоненту «этно-» и анализ роли культуры в формировании ментальности, представлений о внешнем «реальном» мире и т.п. привело к сближению лингвистики, психологии, культурной антропологии, этнографии и ряда других наук, что может быть названо, по мнению Р.М. Фрумкиной [17], второй когнитивной революцией. Возникли комбинации

философии, лингвистики, социологии в виде новых дисциплин, к которым относятся лингвосociология, лингвокультурология, семосociопсихология, этнолингвистика, этнопсихология, этногерменевтика, этнориторика, этническая конфликтология и другие научные направления.

Подобное «переплетение» дисциплин носит сложный характер: у них может совпадать понятийный аппарат, могут быть схожие методы или задачи исследований. Общими будут вопросы о взаимодействии и взаимовлиянии языка и культуры. В рамках практически всех перечисленных выше научных направлениях исследователи стараются:

- определить степень участия культуры в образовании языковых концептов;
- выделить систему средств языкового выражения культурных смыслов;
- выявить и описать степень влияния культурных смыслов как структурных констант на речевую ситуацию;
- дать описание концептосферы определенной культуры;
- провести анализ параметров, по которым складывается национальный характер.

Рассмотрим некоторые научные направления, разрабатываемые в русле дисциплин, в названии которых присутствует компонент «этно-».

Этнолингвистика, например, изучает язык в его отношении к культуре, а также взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании языка с позиций: «язык ↔ этнос», «язык ↔ культура», «язык ↔ народный менталитет», «язык ↔ мифология». Цель этнолингвистики состоит в том, чтобы «... выделить ряд культурно-языковых явлений, понятий и структурных констант, которые по-разному манифестируются в языке и культуре, но обладают в принципе одной сущностью (смыслом)» [16: 402], т.е. выделить культурный субстрат с помощью метода ретроспекции.

Спецификой этнопсихологии, сложившейся на стыке этнографии и психологии, является «изучение систематических связей между психологическими и культурными переменными при сравнении этнических общностей» [14: 42] или этнической психики как психологического склада народа и этноса [11]. Н.М. Лебедева [6] специально оговаривает в своем определении этнопсихологии то, что этническая или культурная принадлежность индивида, влияющая на его психологические способности, проявляется как сознательно, так и бессознательно. Этнопсихология занимается изучением возникновения и формирования этнических групп; гендерной специфики этносов; случаев возникновения и снятия межэтнических конфликтов; описанием этнических символов, стереотипов и предрассудков; анализом особенностей межэтнического восприятия. Кроме этого, важным направлением исследований становится обсуждение случаев проявления этноцентризма и этнической нетерпимости наряду с разработкой методов этнопсихологической коррекции личности. В рамках данного научного на-

правления устанавливаются связи между внутренним миром индивида и этнокультурными переменными, анализируется сходство / различие психологических переменных, имеющих в разных культурах и общностях.

Этногерменевтика занимается проблемами описания этноспецифики ментальности народа и его языка. На материале нескольких языков проводится описание фрагментов разных концептуальных систем через сравнение концептов (типа «душа», «дух», «soul», «spirit») или рассматриваются случаи отражения ментальности в художественном слове.

Стоит упомянуть такие направления научных исследований, как:

- этническая конфликтология (Ю.А. Сорокин);
- этнориторика;
- теория межкультурного общения (Е.Ф. Тарасов);
- анализ динамики межкультурного общения (И.Э. Клюканов);
- анализ специфики национального характера на базе понятий «этническое сознание» и «культурные стереотипы» (Н.В. Уфимцева);
- проведение экспериментальных межкультурных исследований по изучению соматических полей (полей названий человеческого тела) и составление на основе полученных результатов соматологических портретов носителей разных языков и культур (Ю.А. Сорокин).

На стыке лингвистики и культурологии возникла лингвокультурология, которая занимается изучением того, как культура народа отражается, проявляется и закрепляется в языке [9]. Исследователи, работающие в этом направлении, свою задачу видят в описании степени участия культуры в образовании языковых концептов, а также в определении средств языкового выражения культурных смыслов и степени их влияния на коммуникантов и речевую ситуацию. Кроме этого, они стараются определить культурно-языковую компетенцию носителя языка. Предметом изучения лингвокультурологии названы «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архитипического и прототипического, зафиксированного в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (пословицах и поговорках) и т.д.» [9: 36]. В сферу интересов данного научного направления попадают: безэквивалентная лексика и лакуны; мифологизированные языковые единицы (архетипы, мифологемы, обряды, поверья, ритуалы, обычаи); пословицы и поговорки как паремиологический фонд языка; фразеологизмы; эталоны, стереотипы, символы; метафоры и образы; речевое поведение и речевой этикет.

Определенное рассогласование не позволяет исследователям выйти на желаемый интегративный симбиоз достижений, полученных в ходе исследований, которые проводились и проводятся в рамках разных дисциплин. Так, безэквивалентная лексика является предметом изучения не только

лингвокультуры, но и лингвострановедения, практики перевода, а лакуны – этнопсихолингвистики. Тем не менее, принимая во внимание тот факт, что лингвокультурология пользуется целым комплексом идей из смежных исследований, В.А. Пищальникова [12] относит ее в большей степени к этнолингвистике.

В рамках психолингвистики постепенно сформировалось отдельное научное направление – этнопсихолингвистика, которая занимается изучением национально-культурной специфики (вариативности) речевого общения в «а) речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности; б) языковом сознании, т.е. когнитивном использовании языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем; в) организации (внешней и внутренней) процессов речевого общения» [7: 192]. Этнопсихолингвистика также является комплексной дисциплиной, привлекающей отдельные положения когнитивной психологии, этнопсихологии, лингвокультурологии. Объектом этнопсихолингвистики является национально-культурная специфика речевой деятельности, речевого общения и языкового сознания.

В.В. Красных [5: 10] определяет этнопсихолингвистику как «направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихолингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации».

В.А. Пищальникова [12: 24] считает, что этнопсихолингвистика сосредотачивается на «... отражении национально-специфических компонентов культуры в речевой деятельности, которые могут быть выделены в любом из социальных видов среды как лингвокультурной общности». При этом язык признается средством фиксации и представления культуры, но знак равенства в их отношениях «язык – культура» быть поставлен не может. М. Агар [18] описывает язык (*lingua*) как составную и ситуативно обусловленную часть понятия лингвокультуры (*linguaculture*), внутри которой язык и культура неразрывно связаны друг с другом. Культура не только творится языком, но и сама порождается через новое знание и личностный опыт в направлении «опыт → знание → культура». При лингвокультурологическом подходе культура определяется как «застегнутое на язык» явление, «пойманное» языком (*hooked on to lingua*). По мнению, изложенному в [15], культура является средством трансляции человеческих способностей. Кроме предметной формы культуры существуют ментальные или психические образы культурных предметов, а «... знания о языке и мире исчерпывают содержание сознания, это содержание формируется в процессе присвоения культуры и является ментальной формой культуры наряду с ее предметной и деятельностной формами» [Op. cit.: 50].

В.А. Пищальникова [12] относит к основным направлениям этнопсихолингвистических исследований:

- описание видов и способов трансляции культуры;
- изучение этнических картин мира в социальном, переводческом, структурно-содержательном и других аспектах.

В задачи этнопсихолнгвистики входят:

- систематизация данных о культурной обусловленности общения;
- разработка понятийного научного аппарата для описания выделенных понятий и отношений;
- представление параметров, по которым «собирается» в единое целое языковая картина мира (наивная картина мира);
- выделение характерного, общего и универсального в речевом поведении представителей разных общностей;
- изучение этнической детерминированности речевой деятельности;
- изучение культурно- и национально-специфических значений;
- изучение характеристик образов сознания;
- выделение характерные черт в языковой картине мира у представителей разных общностей;
- представление способов опредмечивания и распредмечивания «своих» и «чужих» артефактов.

По мнению В.П. Беянина [2], основные проблемы этнопсихолнгвистики вращаются вокруг: языка и культуры; гипотезы лингвистической относительности; национально-культурной специфики слова; лакун; речевого поведения; билингвизма; ошибок при изучении иностранного языка; культурного шока; аккультурации; лингвистического шока, возникающего при интеркультурных контактах.

Этнопсихолнгвистика может способствовать разрешению междисциплинарных проблем, касающихся описания свойств менталитета и психолнгвистических основ взаимодействия менталитетов (см. подробнее: [12]). К вышеперечисленным проблемам и задачам, на наш взгляд, нужно также добавить изучение психо- и этнопсихолнгвистических аспектов переводческой деятельности и собственно перевода как результата этой деятельности. Этнопсихолнгвистика близка теории перевода в том отношении, что ее основная проблематика вращается вокруг национальной специфики слова, лакун, гипотезы лингвистической относительности, отношений «язык ↔ культура». Для теории перевода особенно актуальным будет представление способов опредмечивания и распредмечивания «своих» и «чужих» артефактов, а также исчисление возможностей для выхода в национально-культурную спецификацию «другого» как «чужого», поскольку перевод является средством межкультурного общения (см.: [8]). В ситуации перевода как особого вида двуязычной коммуникации, где посредник-переводчик получает статус билингвальной личности, наиболее активно проявляется специфика индивидуального и национального сознания.

Перевод является вхождением текста в новую культуру и литературу, поэтому возникает проблема определения критериев выбора текста для пе-

ревода. По мнению В.П. Белянина [1], языковое сознание личности автора определяет когнитивную основу художественного текста и семантику текстовых символов, взятую как поэтический идиолект. Таким образом, становится возможным говорить о степени отражения языковой личности переводчика в получаемом тексте перевода. Переводчик берет на себя функцию интерпретатора, пытающегося реконструировать авторские намерения путем распрямления текстовых смыслов, «выстраивая» новый Мир текста, что позволяет при помощи метода интроспекции установить отличия внутреннего мира интерпретатора от полученного им на основе высказывания модельного мира (см.: [3]).

Членение концептуального пространства исходного текста осуществляется в зависимости от направленности переводческой рефлексии, когда переводчик опирается на оценку, осмысление и / или переосмысление оригинала через установление связей имеющегося опыта с получаемой извне информацией.

Специфика когнитивной и эмоциональной сфер переводчика проявляется относительно:

- непосредственно отбора текста для перевода (в соответствии со своим мироощущением);
- выбора стратегий работы с ним;
- специфичности отбора лексических средств;
- самоопределения переводчика и его отношения к миру текста;
- эмоционального отношения переводчика к представленной в оригинале ситуации;
- включенности / невключенности получаемого текста перевода в иную социокультурную среду и т.д.

Переводы одного и того же текста, главным образом художественного текста, представляют собой не просто разные интерпретации, но в значительной степени они начинают отражать отдельные аспекты «картин мира», имеющих у переводчиков. Расхождения «картин мира» автора текста и переводчика вызваны не только изменениями в семантической и смысловой системах исходного текста, происходящими в процессе переводческой деятельности. Перевод предстает как совокупность личностных смыслов и ассоциативных контекстов. В процессе перевода, когда переводчик работает «в» тексте и «над» текстом, реализуются различные аспекты индивидуального смысла наряду с расширением ассоциативных полей.

При раскодировании текстовых смыслов «для себя» на исходный текст оригинала накладываются национальные культурные черты принимающего социума. В результате получаемый текст перевода может приобретать иную направленность. Например, мир известного английского детского стишка, так называемого Nursery Rhymes, в переводе К. Чуковского получает совершенно иное представление. Мир текста перевода становится более обжитым, приобретая русскоязычную национальную спецификацию.

*There was a crooked man, and he walked a crooked
mile,
He found a crooked sixpence against a crooked stile;
He bought a crooked cat, which caught a crooked
mouse,
And they all lived together in a little crooked house.*

Ср.:

*Как-то тип один кривой отшагал кривые мили
И нашел кривых шесть пенсов, где кривы тропин-
ки были,
Он купил кривую кошку, чтоб поймать кривую
мышку,
И они живут все вместе в кривоватеньком до-
мишке.*

Пер. Ю. Сабанцева

*Жил на свете человек,
Скрюченные ножки,
И гулял он целый век
По скрюченной дорожке.*

*А за скрюченной рекой
В скрюченном домишке
Жили летом и зимой
Скрюченные мышки.*

*И стояли у ворот
Скрюченные ёлки,
Там гуляли без забот
Скрюченные волки.*

*И была у них одна
Скрюченная кошка,
И мяукала она,
Сидя у окошка.*

*А за скрюченным мостом
Скрюченная баба
По болоту босиком
Прыгала как жаба.*

*И была в руке у ней
Скрюченная палка,
И летела вслед за ней
Скрюченная галка.*

Пер. К. Чуковского

В тексте перевода, выполненного К. Чуковским, исчезают англоязычные реалии *mile* / *миля*, *sixpence* / *шестипенсовик*, *stile* / *ступеньки для перехода через забор или стену*, при этом мир текста значительно расширяется, в него вводятся новые персонажи (*волки*, *баба*, *галка*). Для героя стиха *человека / man* вводится соответствующий парный женский образ – *баба*, т.е. в тексте выстраивается подобие семейных отношений.

Возникшие наложения на текст оригинала дают эффект усложнения внутритекстовых отношений в тексте перевода. Во вторичном текстовом мире перевода животные образуют некий мифологический код, позволяющий «перечитать» весь текст. Элементы зооморфного кода условно-символически описывают возникшую новую текстовую ситуацию. В этом отношении можно говорить о мифологической персонификации, возникшей внутри текста, когда *жаба* отражает антропоморфную сущность персонажа (*баба прыгала как жаба*). По данным из [13], *жаба* не является типично русским мифологическим образом. *Жабой* называют человека в том случае, если он подходит под следующую характеристику: имеет отталкивающую внешность (пучеглазый, с большим ртом, полный, невысокий и

т.п.) и неприятный характер.

Пространственный ориентир *болото* указывает на другие мифологические образы, которые выступают как стереотипный образ или употребляется для характеристики человека. Это *кикимора* и *Баба-яга*. В мифах *кикимора* – злой дух дома, маленькая женщина-невидимка, которая иногда считается женой домового, а в сказках – *Баба-яга* живет в лесу в избушке на курьих ножках [10]. *Кикиморой* называют одетую неряшливо маленькую, скрюченную (!!!) немолодую женщину или старушку, а *Бабой-ягой* – очень некрасивую, уродливую или старую и неопрятную женщину с недобрым характером [13]. В народной традиции *кошка* имеет двойственную символику и связана с духами, например, с домовым.

Совпадение концептуальных систем автора и читателя невозможно, поэтому полного совпадения проекций текста не бывает. Если текст определяет «поле» и границы своего понимания, то выбор ориентиров остается за читателем. В качестве опор при понимании текста выступают ключевые слова, ситуации и т.д. Тем не менее, способы прочтения текстовых смыслов и установления ассоциативных связей текста, а также выбор отдельных компонентов коннотативного смысла во многом предопределены:

- когнитивной установкой работающей с текстом личности;
- наличием / отсутствием собственного отношения к тексту;
- разделением / не разделением соответствующего набора принятых в обществе норм и ценностей.

Поляризованность русской души и идеи страдания объясняют, на наш взгляд, повышенный интерес русскоязычных переводчиков к сонету 66 В. Шекспира, для которого в сфере принимающей культуры и литературы имеется свыше 100 переводов–интерпретаций. Практически все переводчики стремятся усилить эмоционально-смысловую доминанту исходного текста, подчеркивая несправедливость мира, где царит зло.

2...As, to behold desert a beggar born,
3.And needy nothing trimm'd in jollity,
4.And purest faith unhappily forsworn,
5.And guiled honour shamefully misplac'd...
7.And right perfection wrongfully disgrac'd...
11.And simple truth miscall'd simplicity,
12.And captive good attending captain ill...

Сонет 66

3.И богачи жируют в радости,	5.В обмен на репутацию – карьера...
4.И отречен от веры человек...	12.И невиновных судит трибунал...
12.И клетке соловей поет хвалу...	(Перевод В.Р. Поплавского)
(Перевод Альберта «Магнуса» Аминова)	5.И гибель веры, и наживы власть...
4.Святую веру снова на кресте...	(Перевод С.А. Заславского, I)
(Перевод И. Бевко)	5.Отвергнутая вера тихо умерла...
2.К чему достоинство, когда ты нищий...	11. И раб доволен участью своей...

(Перевод В. Бойко)	(Перевод С.А. Заславского, II)
3. <i>И власть приспособленцев над собой...</i> (Перевод Виталия Игоревича, I)	4. <i>Что Веру распинают на кресте...</i> (Перевод В. Зеленкова)
7. <i>Ведь кровью алою алтарь омыт...</i> (Перевод Виталия Игоревича, III)	11. <i>И тот дурак, кто не умеет красть,</i> 12. <i>И тот хорош, кто смог наверх пробиться...</i>
8. <i>И перед властью лебезящий суд...</i> (Перевод И. Липеса)	(Перевод В. Левинсона)

Подобное мировосприятие нашло отражение и на страницах СМИ

Лень и недальновидность и авось правительства, нарастающая злость и нищета лишенных последних льгот костей простых граждан... Не все знают, как близка пропасть с торчащими в ночи длинными ножами. (КП 22.04.05; Юрий Шевчук); *Народ у нас особенный. Ген крепостничества в нем еще живет.* (КП 6.04.05); *... наша Русь действительно святая, хоть и верит в десятки богов – от Иисуса и Аллаха до Кришины и шаманского духа Кер-поока... Даже перепись 2002 года в России – одна из самых таинственных. На ней до сих пор ломают головы ученые, пытаются понять в кого же верит Русь?* (КП 18.01.05); *... проворовавшиеся генералы, как прыткие щуки, выскальзывают из дырявых сетей правосудия.* (КП 24.08.05)

В этой связи нельзя не согласиться с позицией А.А. Залевской [4: 80], утверждающей, что «дальнейшее исследование языка в контексте культуры скорее всего будут вестись в русле интегративного подхода при возрастании роли теоретических построений и с применением разнообразных процедур обращения к языковому сознанию представителей разных этносов для выявления естественных механизмов семиозиса и влияния комплекса факторов на реальные процессы означивания и взаимопонимания в условиях межкультурного общения». Интегративность научных дисциплин и их положений должны способствовать более активному освоению окружающего мира. Систематизация данных о культурной обусловленности общения предполагает разработку понятийного научного аппарата для описания выделенных понятий, отношений и представления параметров, по которым «собирается» в единое целое языковая картина мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика: Учебник. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный ин-т, 2003. – 232 с.
3. Демьянков В.З. Концептуальный анализ термина понимание // Понимание в коммуникации. 2005: Тез. докл. Междунар. науч. конф. (28 февраля – 1 марта 2005 г., Москва). – М.: НИВЦ МГУ, 2005. – С. 22–23.
4. Залевская А.А. Синергитическая психолингвистика или психолингвистическая

- синергетика // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С.10–16.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
  6. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М.: «Ключ-С», 1999. – 224 с.
  7. Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики. – М.: Смысл, 1999. – 287 с.
  8. Масленникова Е.М. Традиционные подходы к переводу: новое о старом // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2007. – № 24 (52). – Сер. «Филология». – Вып. 6 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 46–53.
  9. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
  10. Мифы народов мира: Энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – Т. 1. – 672 с.
  11. Налчаджан А.А. Этнопсихология. – СПб.: Питер, 2004. – 381 с.
  12. Пищальникова В.А. История и теория психоллингвистики: Курс лекций. – М.: Московский государственный лингвистический ун-т, 2007. – Ч. 2. – Этнопсихоллингвистика. – 228 с.
  13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. первый. – 318 с.
  14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Инт-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
  15. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 45–53.
  16. Толстой Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1982. – Т. 41. – № 5. – С.397–405.
  17. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 74–117.
  18. Agar M. Language Shock: Understanding the Culture of Communication. – New York: William Morrow, 1994. – 284 p.

С.И. Меньшикова

ВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ А. П. ЧЕХОВА

Большинство ученых, занимающихся исследованием концепта, полагают, что концепт, будучи глобальной единицей мыслительной деятельности, не всегда имеет языковое выражение. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что причины вербализации или невербализации концепта связаны с его коммуникативной релевантностью и реальность существования концепта не зависит от степени его вербализации. Более того, в сознании гово-